

Валерий ГУСЕВ

Пиратский детектив

Валерий Борисович Гусев
Пиастры для юных пиратов
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 31

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145922

Гусев В. Пиастры для юных пиратов: Повесть: Эксмо-Пресс; М.; 2007

ISBN 978-5-699-20898-2

Аннотация

Два капризных избалованных сына богатого спонсора на борту научноисследовательского судна – аттракцион не для слабонервных! Противные мальчишки просто замучили ученых, поэтому никому и в голову не пришло, что на самом деле это два юных сыщика: Алеша и Димка Оболенские, которые вместе со своим отцом выполняют важное задание. Аферист международного масштаба замыслил очередную каверзу, и необходимо во что бы то ни стало помешать ему. Однако и без этого на судне проблем хватает: нужно выяснить, кто и зачем пытался утопить ихтиолога Рыбкина, а также кто является сообщником преступника, передавая радиосигналы на его корабль.

Содержание

Глава I	4
Глава II	21
Глава III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерий ГУСЕВ ПИАСТРЫ ДЛЯ ЮНЫХ ПИРАТОВ

Глава I ДВУНОГАЯ РЫБА

«Однажды вечером мы сидели у таежного костра, и вдруг...»

С такой фразы очень часто начинаются приключенческие книги. И у нас получилось примерно так же. Правда, мы сидели вечером не у таежного костра: мама почемуто не любит разводить таежный костер в квартире. Мы сидели просто так. Не у костра, а у телевизора.

Был тихий и мирный весенний вечер. Папа в своем любимом кресле дремал, спрятавшись за газетой, и время от времени для маскировки шелестел ее страницами. Мама разгадывала загадки, которыми озадачивал зрителей Леонид Якубович на «Поле чудес» в Стране... чудаков. Я помогал маме. А Лешка, сосредоточенно нахмурившись, уткнулся по уши в книгу. И время от времени чтото выписывал в тетрадь, прикрывая ладошкой свои таинственные выписки.

Папа сложил газету и зевнул сквозь зубы: он очень устал на работе.

– Пойдука я в кабинет, – сказал он, – поваляюсь до ужина на диване. С книгой. Лешк, ты чем так увлекся? Дал бы отцу почитать.

Алешка взглянул на него и неожиданно выдал – очень важно, серьезно и красиво:

– Этой книге место не в кабинете полковника милиции, а в комнате школьника. В час, когда с уроками покончено и скоро пора спать, а за окном зимний вечер.

– Ничего себе! – ахнула мама. – Можно подумать, с уроками у него покончено! А за окном, между прочим, вовсе не зимний, а весенний вечер!

– Это цитата, – сказал папа с уважением. И взял у Алешки книгу. – Так и знал: «Остров сокровищ»! И в который раз ты ее перечитываешь? – спросил он Алешку, вернув ему книгу.

– Я уже не перечитываю, я уже ее изучаю.

– Ты бы лучше географию изучал! Две двойки за одну неделю, – сказала мама и почемуто радостно добавила: – Альбатрос! – Это она, наверное, слово на экране угадала.

– А я, вот именно, – запальчиво возразил Алешка, – географию по этой книге изучаю.

– Это как? – удивился папа.

– Оказывается, не альбатрос, – разочарованно сказала мама. – Оказывается, спаниель. Вот уж не знала, что спаниель – это птица. Сектор «Приз»! – воскликнула она. – Бери день-

ги, дурак! – И повернулась к Алешке: – Так что ты там изучаешь?

– Я определяю, – скромно ответил Алешка, – где находится этот Остров сокровищ.

– Здорово! – сказал папа. – А зачем?

– Ну, они же на своей «Испаньоле» не все сокровища с острова забрали.

– И эти сокровища тебе покоя не дают? – усмехнулся папа. – Снятся по ночам всякие пираты и пиастры?

– Да, – небрежно согласился Алешка, – решил какнибудь в свободное время сплавать туда и забрать остатки сокровищ.

– Говорили же тебе, – воскликнула мама, – бери деньги! А он брюкву взял. – И тут она опять повернулась к Алешке: – А на чем сплавашь? Достать тебе надувной матрас с антресолей?

Алешка пожал плечами.

– Построю яхту, – простенько сообщил он, – и сплавая. На каникулах.

Мама рассмеялась:

– Из папиной газеты кораблик сложишь?

Алешку это не смутило:

– Папа же в молодости построил яхту. И плавал на ней по всяким морям. Когда тебя еще не было.

– Как это? – удивилась мама. – Где это меня не было?

– Он имеет в виду, – объяснил папа, – когда тебя еще не было в моей жизни.

– А ты имеешь в виду, – обиделась мама, – что все самое интересное в твоей жизни было до женитьбы на мне?

– Нет, – серьезно сказал папа. – Самое интересное в моей жизни началось, когда я на тебе женился. – И добавил вполголоса: – Во всяком случае, скучать с тобой не приходилось. И в море на яхте, даже в шторм, было спокойнее, чем у домашнего очага. Я бы и сейчас куданибудь сплавал. И ребят бы с собой забрал.

– Вот было бы здорово! – Мама даже от телевизора оторвалась. – Как бы я от вас отдохнула!..

В общем, обычный вечерний семейный шуточный разговор.

И никто из нас не предполагал, что очень скоро так и получится: Алешка «вычислит» Остров сокровищ, мама будет от нас отдыхать, а мы с папой окунемся в океан... в океан опасностей, приключений и загадочных событий.

Хотя иногда мне кажется, что папа тогда уже что-то знал...

А пока мы тихо и мирно беседовали теплым весенним вечером в своем родном доме. Папа подремывал в кресле, Алешка делал выписки из «Острова сокровищ», а мы с мамой разгадывали загадки Якубовича.

– Бескрылый олень! – вдруг озадаченно воскликнула мама, уставившись в экран. – Это еще что за птица?

– Двуногая рыба, – буркнул Алешка, листая книгу.

...Скажу пока только одно: оба они угадали. Очень скоро мы столкнулись и с бескрылым оленем, и с двуногой рыбой,

и с крысами в океане. И на Острове сокровищ...

Первые дни лета. Каникулы только что начались, и мы с Алешкой еще не привыкли им радоваться. А тут вдруг такая радость обрушилась на нас первым летним ливнем. Хотя, как выяснилось позже, это был вовсе не безобидный дождик, полезный всяким растениям и людям, а самый настоящий шквал. С молниями, штормовым ветром и громадными волнами, гребешки которых яростно срывает ветер и несет над океаном мелкой соленой пылью...

Красиво сказал, да? А главное – непонятно. Вот и нам с Алешкой вначале многое было непонятно. А когда коечто стало проясняться, то стало не только понятным, но еще и опасным. И даже страшным.

Впрочем, если я прямо сейчас скажу, чем все это кончилось, понятнее ничего не станет. Тут нужна последовательность, как говорит папа. И поменьше фантазии, как говорит мама.

Но и без всякой фантазии эта история, как говорится, оставила след в нашей душе (и в других душах тоже). И, кстати, она пока еще не совсем завершилась...

А началась в первые дни лета. Когда мы еще находились в некоторой растерянности. Школа кончилась долгожданно, но неожиданно; куда-то исчезли уроки, домашние задания, всякая внеклассная ерунда и прочие проблемы. Но оказалось, что проблемы у нас только начинаются, и куда покруче, чем школьные. И решать мы их будем совсем скоро, но

очень далеко от родного дома и родной школы, на другом краю земного шара.

Только сначала я расскажу, что случилось у папы на работе, а уж потом, как мы ему помогли. С риском для жизни.

Жилбыл один талантливый аферист по фамилии Оленин. Он ограбил с помощью различных махинаций нашу страну, а потом удрал за границу и там тоже заодно вволю пограбил. И скрылся кудато в неизвестном направлении. Наша милиция объявила Оленина в розыск, а за ней объявил его в розыск и Интерпол – такая полицейская организация, которая занимается международными преступниками.

Наш папа, как сотрудник российского отделения Интерпола, получил задание разыскать этого афериста вместе со всеми украденными им миллионами.

Папина группа работала долго и упорно, установила и задержала почти всех его сообщников, а сам Оленин растворился в необъятных просторах нашей планеты.

И вот наконец по некоторым сведениям, след его обнаружился... в Тихом океане. Не в самих, конечно, водных глубинах, не на его дне, а на одном малоизвестном полуобитаемом острове.

И совпало так, что в тот район отправлялось научноисследовательское судно. И папин начальник, генерал, предложил ему замаскироваться на этом судне под какогонибудь ученого.

Генерал пригласил к себе капитана корабля, и они вдвоем стали обсуждать эту маскировку.

Капитан сразу же стал возражать:

– Помилуйте, Сергей Александрович, ну какой из вас, извините, ученый! Гидробиолог? Ихтиолог? Этнограф? Что вы понимаете, еще раз извините, полковник, в этих вопросах? В первый же вечер все догадаются, что вы самозванец!

Капитан оказался прав еще и потому, что, по оперативным данным, на судне находится сообщник афериста. Но кто он? Ученый, матрос? Или сам капитан?

Генерал поник седой головой, задумался. Потом он вдруг вскинул эту свою седую голову и блеснул глазами:

– Сергей! Ты же когда-то на яхте плавал! – Он повернулся к капитану: – Возьмите его матросом. Он справится.

– Нет, – наш папа покачал головой. – Я должен находиться не в матросском кубрике, а в самом центре всего экипажа. Иначе я не соберу нужную информацию. К тому же я должен иметь хоть какую-то власть, чтобы свободно принимать нужные мне решения: например, остановить судно, сойти на берег и так далее.

– Ну возьмите его первым помощником! – напирал генерал на капитана. – Второе лицо на корабле.

– Это второе лицо на корабле, – надулся капитан, – должно знать мой корабль лучше меня самого. И в критическую минуту при необходимости заменить меня во всем. Не пойдет! – Он решительно рубанул рукой. И чуть не сбил со сто-

ла генерала стаканчик с карандашами. Хорошо, что не компьютер.

Папа поскреб макушку и предложил:

– Я буду вашим спонсором.

Капитан выпучил глаза, как омар:

– Вот еще! Мне это надо?

А генерал одобрительно хмыкнул:

– Неплохо! Продолжай, Сергей.

Папа продолжил:

– Легенда такая: я очень богатый человек. Всю жизнь хотел стать моряком. Но всю жизнь занимался бизнесом.

– Отлично!

– Узнав, что исследования Тихого океана откладываются изза отсутствия денег, я протянул институту руку помощи...

– А в этой руке, – засмеялся генерал, – чемодан денег! В вечно зеленых купюрах.

– Но я поставил условие, – продолжал папа. – Меня тоже берут в плавание. Как пассажира. Без обязанностей, но с большими правами.

– Это уже лучше, – одобрил капитан и стал набивать свою трубку пахучим заморским табаком.

– Я буду сумасброден, нахален, немного придурковат...

– Это тебе удастся, – усмехнулся, пошутив, генерал, – особенно последнее.

– У вас есть дети? – вдруг спросил капитан и выпустил изо рта душистое облако дыма.

– Есть, – кивнул папа. – Вы думаете, они будут скучать без меня?

– Я думаю, что их следует взять с собой, для более глубокой конспирации. Они у вас – как, смогут сыграть роль бесшабашных, избалованных детей сумасбродного богача?

– Они смогут, – поспешил заверить генерал, который хорошо знал все наши прежние подвиги.

Папа вздохнул. И предупредил их обоих:

– Только лично я за фокусы своих сыновей отвечать не собираюсь. Вполне возможно, что при их бесшабашности и решительности наше судно окажется не в Тихом, а в Ледовитом океане.

– Вполне возможно, – со вздохом кивнул генерал. – Особенно если младшему, Лешке, захочется вдруг покататься на лыжах. Или на белом медведе.

– Больше всего я боюсь, – сказал папа капитану, – что уже во Владивостоке, где находится ваше судно, они в первый же день его захватят и поднимут на мачте пиратский флаг.

– Пусть уж лучше они его поднимут, – както очень серьезно сказал генерал, – чем кто-нибудь другой.

– А что, – забеспокоился капитан, – у ваших ребят есть уже аналогичный опыт?

– Да, – сказал папа, – у них очень большой аналогичный опыт. – И он стал перечислять, загибая пальцы: – Они угоняли автомобили, воздушный шар, поезд, пароход, экскаватор, самолет, верблюда. Про лошадей и собак я уже не говорю...

По мере того как папа загибал пальцы, капитан все чаще пыхтел своей трубкой и бледнел на глазах. Наконец он с печалью спросил:

– А других вариантов нет?

– Вы сами предложили взять их на борт, – злорадно усмехнулся генерал. – А если серьезно, ребята очень толковые и сообразительные. И я не удивлюсь, ты только не обижайся, Сережа, что этого афериста они вычислят раньше, чем ты.

– И наручники наденут, – серьезно кивнул папа. – Или акулам его отдадут.

В общем, вопрос был решен.

– Только имейте в виду, – строго напомнил генерал, – о подлинной роли полковника Оболенского никто, кроме нас троих, не должен знать.

– Это понятно, – сказал капитан и принялся чистить свою трубку. – Об этом можно и не предупреждать.

Вот так мы оказались членами экипажа научноисследовательского судна Института океанографии под красивым названием «Афалина».

Вскоре после этого события (о котором мы с Алешкой еще ничего не знали) папа пришел с работы какойто странный. Немного задумчивый, чуточку серьезный и отчасти веселый. Все в одном флаконе сразу.

– Командировка? – догадалась мама. – Опасная и трудная? Как всегда?

– На этот раз веселая, – грустно ответил папа. – Ухожу в

море. И детей беру с собой.

– Какое счастье! – обрадовалась мама. – И надолго оно?

– Месяца на три. С учетом обстоятельств.

Мама поставила перед ним чашку кофе. И с надеждой спросила:

– А побольше никак нельзя? С учетом какихнибудь обстоятельств. Они мне так надоели!

Я думаю – не обстоятельства ей надоели, а мы с Алешкой.

– Побольше нельзя, – вздохнул папа. – Им всетаки надо учиться.

– Что ты называешь учебой? Бесконечные двойки, записи в дневниках и вызовы родителей? – спросила мама. – А потом – они и так уже все знают.

– Например, – спросил папа Алешку, – где находится Тихий океан?

– Вон там, – не задумываясь, махнул Алешка, – за этой стеной.

За этой стеной весь день и почти всю ночь у нашего соседа Ермолаева гремела музыка.

Сосед Ермолаев работал в цирке, дрессировщиком. И некоторые звери жили у него дома. Чаще всего – мартышка Зульфия. Она была очень нервная и, как уверял Ермолаев, легко ранимая. И поэтому боялась оставаться дома одна. Она боялась всего – тараканов, тикающего будильника, вороны на балконе. Единственное, что ее успокаивало, – громкая музыка. Под эту музыку Зульфия ничего не боялась. И

начинала плясать. Как на манеже. Хорошо еще, что у нее не было копыт и обуви на каблуках.

И я понял, что имел в виду Алешка. Тихий океан за стеной начинался тогда, когда Ермолаев приходил домой и включал свою штормовую музыку.

И еще я понял, что мы втроем отправляемся в плавание на прекрасном научноисследовательском судне с красивым названием «Афалина».

– Красивая фамилия, – сказал Алешка. – Как у нашей уборщицы.

– При чем тут ваша уборщица? – удивился папа. – Афалина – это вид дельфинов.

– Много ты знаешь, – фыркнул Алешка. – Афалина – это фамилия нашей старушки уборщицы.

– Ударения разные, – помирил я их.

Мне не хотелось, чтобы мы уходили в далекое плавание в состоянии глупой ссоры.

«Афалина» – сказал папа, – это научноисследовательское судно Института океанографии. Когдато это был опытный военный корабль. Его не совсем доделали, потому что у Министерства обороны не хватило на него денег...

– Господи! – сказала мама. – Всем не хватает денег. И нам, и даже Министерству обороны.

– Правительству тоже не хватает, – успокоил ее Алешка.

– Правительству, – сердито сказала мама, – не хватает на нас, а не на себя! – И посмотрела почемуто на папу.

Папа нахмурился, но ничего не ответил.

– Пап, – спросил я, далекий от политики, – а на этой военной «Афалине» вооружение есть?

– Еще какое, – ответил папа. – Последнее слово военно-морской науки. Впрочем, сами все увидите.

– Я согласен, – сказал Алешка. – Мне как раз туда надо.

– Это еще зачем? – испугалась мама.

– За сокровищами, – небрежно напомнил Алешка. Будто за сокровищами – все равно что за хлебом в соседний магазин сходить. – Там на одном острове находятся сокровища капитана Флинта.

– Что?! – Папа чуть не выпустил из рук кофейную чашку. – Какого Флинта? Ивана Федоровича?

Я сразу объясню, почему папа так изумился. Дело в том, что фамилия капитана «Афалины» была Флинт. И звали его Иван Федорович.

Алешка смерил папу холодным взглядом. И сказал:

– Некоторые сыщики не только газеты читают.

– И что же читают некоторые сыщики? – Папа со стуком поставил чашку на стол.

– Уголовный кодекс, – сказала мама.

Алешка снисходительно объяснил, что он наконецто «вычислил», на каком острове остались сокровища пиратского капитана Флинта. Для этого ему пришлось перечитать не только «Остров сокровищ», но и много других серьезных книг по истории морского пиратства.

Кстати сказать, Алешкины догадки оказались правильными. Я потом читал статьи литературоведов, географов и историков – и все они, на основании всяких научных анализов, уверенно называли тот же самый остров, о котором догадался наш Алешка.

Тут за соседской стеной хлопнула дверь, смолкла музыка, радостно залопотала Зульфия. Наступил «Тихий океан».

– Теперь и поговорить можно, – сказал папа. – Seriously поговорить.

Мама тут же поставила перед ним еще одну чашку кофе.

– Вы поедете со мной. Вы мне там нужны. Забудьте прямо сейчас, кто я такой, и прямо сейчас запомните, что я очень богатый и придурковатый бизнесмен. А вы мои дети.

– Придурковатые? – спросил Алешка.

Папа кивнул, даже не улыбнувшись.

– Ведите себя соответственно.

– Это они могут, – сказала мама и совершенно некстати вспомнила, как я, в раннем детстве, почемуто сел в кастрюлю с тестом.

– Я не это имел в виду, – произнес папа. – Но они меня поняли, так?

Когда папа спрашивает таким серьезным тоном, нам остается только кивнуть головой и потупить глазки.

– Два дня на сборы, – сказал папа.

Два дня пролетели как два урока.

Папа принес с работы громадный шикарный чемодан для себя и два поменьше, но тоже шикарные, для нас с Алешкой.

В папином чемодане уже лежали всякие небывалые костюмы и всякие заманчивые вещи: ноутбук, морской биннокль, белый тропический шлем, кортик в золотых ножнах и другие атрибуты богатого чудака.

А наши чемоданы начала сразу же заполнять до отказа мама.

– Лешкины валенки никак не лезут, – устало пожаловалась она папе и сдула с усталого лица усталую прядь волос.

– Какие валенки? – обалдел папа.

– А как же! – Мама изо всех сил давила крышку чемодана коленкой. – Там же летом – зима! В том полушарии. Я сама в энциклопедии прочитала. Там такая суровая зима, что даже Полярной звезды не видно.

Папа чуть заметно усмехнулся.

– Да, – сказал он, – там летом зима. Но очень мягкая. Градусов около тридцати. Но в океане это легко переносится. Там ведь все время ветер.

– Боже мой! – ужаснулась мама. – Тридцать градусов да еще с ветром. А я Лешеньке даже рукавички не положила. Тридцать градусов!

– Тепла, мать, тепла, – успокоил ее папа.

– Ты точно знаешь? – недоверчиво спросила мама. – А в энциклопедии...

– Вытаскивай валенки. Лучше лишнюю пару плавков ему

положи.

Мама даже зажмурилась: зимой, в плавках... На обледе-невшей палубе корабля. При постоянном ветре.

— Знаешь, отец, — вдруг решила мама. — Езжайка ты один. — Она подумала и добавила: — В плавках... и в валенках.

Дело кончилось тем, что папа сам взялся укладывать наши чемоданы, а валенки тайком забросил на антресоли.

— Ленечка, — сказала мама, — я тебе много конвертов положила — ты пиши мне почаще, ладно? Особенно про погоду.

— Ладно, — согласился Алешка. — Я эти письма буду закуривать в бутылки и выбрасывать в Тихий океан.

— Лет через десять вместе читать их будем, — усмехнулся папа. — В какойнибудь газете. Если их акула не проглотит.

— Какая акула? — насторожилась мама. — Не вздумай, Алексей, подходить к ним близко. Я читала в энциклопедии, что у каждой акулы около тысячи зубов.

— Не у каждой, — успокоил ее папа. — У некоторых всего по две сотни.

— Я все-таки передумала, — сказала мама. — Мы с Ленькой лучше на дачу поедem. Комары мне както милее акул. У них зубов меньше. Да, Лень? И валенки брать не нужно. И письма писать.

Алешка улыбнулся и произнес:

— Я не боюсь акул. Я на них как залаю!

На следующий день мы вылетели во Владивосток, где нас дожидалось прекрасное судно с красивой фамилией «Афина».

Летели мы очень долго. Два раза садились на дозаправку в какихто городах. Даже немножко надоело. А в ушах все время стоял какойто гул.

Лешка как прилип к иллюминатору, так и не отлипал от него до самого Владивостока. А когда мы приземлились, сказал разочарованно:

– Совсем на карту не похоже. И надписей никаких, оказывается, нет.

– Каких надписей? – удивился папа.

– Ну там, река Волга, город Иркутск, Уральский хребет, озеро Байкал...

– Ты их не разглядел, – улыбнулся папа. – Мы очень высоко летели.

Прилетели наконец...

Глава II

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА БОРТУ

Город Владивосток мы практически не видели. Прямо у трапа нас встретил капитан Флинт и усадил в длинную белую машину. В ней уже сидели двое крупных мужчин – один за рулем, другой рядом с ним. Это были местные работники милиции; они довольно успешно изображали водителя и охранника богатого бизнесмена господина Оболенского, нашего бати.

Машина примчалась в порт и остановилась на причале, возле которого стояла белая красавица «Афалина».

– Не похожа, – разочарованно сказал про нее Алешка.

– На кого не похожа? – не понял я. – На нашу школьную уборщицу?

– На дельфина.

– А ты их видел? – Но мне тоже показалось, что эта «Афалина» больше похожа на прекрасную белую лошадь. Которая с нетерпением ждет, когда она сможет, закусив удила, помчаться вскачь навстречу ветру. По гребням зеленых волн.

– Стуча копытами, – добавил Алешка.

Водитель открыл папе дверцу машины и, достав из багажника наши чемоданы, поднялся по узкому стальному трапу на борт «Афалины»; капитан Флинт, пыхтя трубкой, помо-

гал ему. А охранник не помогал, руки у него должны быть свободными на случай опасности, он только зыркал по сторонам своими острыми глазами. И сказал папе:

– Мне это не нравится, Сергей Александрович. Вы уходите в далекое плавание без охраны.

– Вот моя охрана, – папа с улыбкой кивнул на нас.

Охранник тоже улыбнулся:

– Помоему, именно от них и надо вас охранять.

Нужно сказать, что папа вышел из машины совсем другим человеком, мы даже растерялись немного: так он был не похож на себя. Какойто важный, самодовольный и – очень жаль – глуповатый на вид.

Он небрежно помахал рукой экипажу корабля, который столпился у борта, и развалистой походкой направился к трапу. Стоящий возле него веселый матрос в берете с помпончиком подскочил к папе, отдал ему честь и протянул руку, чтобы помочь. Папа эту руку отстранил и легко взбежал по трапу на палубу. Там его встретили моряки и группа ученых в пиджаках и шляпах. Капитан Флинт представил папу:

– Господин Оболенский. Человек, благодаря которому стала возможной наша экспедиция. – Все покивали и пожали папе руку. – А это его личная охрана. – И капитан показал на нас. Все поулыбались и тоже пожали нам руки. А Лешка гаркнул во все свое горло:

– Здравия желаю, товарищи моряки и краснофлотцы!

Секунда замешательства, и дружный рев в ответ:

– Здражла – товарищ адмирал!

– Вольно! – скомандовал Алешка. – Разойдись! – Он уже вошел в роль сына олигарха. Веселого балбеса.

Никто, конечно, не разошелся, а – наоборот – все столпились возле нас и стали знакомиться. Капитан Флинт называл каждого члена экипажа и ученого по имени, званию и должности.

– Старший помощник Михеев!

– Очень рад, – снисходительно отвечал папа. – Я всегда уважал старших помощников.

– Старший механик Кулибин!

– И старшие механики мне всегда нравились, еще с детства. Я сам хотел когда-то стать старшим механиком. Но мама очень возражала...

– Маму надо слушаться, – покивал с усмешкой веселый матрос с помпоном. Капитан строго зыркнул на него. И сказал, указывая на толстого дядьку:

– Наш кормилец – кок Скворода.

Алешка с сочувствием посмотрел на кока и сказал:

– Бывает.

– Ой, хлопче, – засмеялся Скворода. – Если бы ты знал, какие фамилии еще есть у нас в Украине! Например, Голопупенко. Я тебе потом столько про него расскажу.

– Лучше не надо, – поспешил предупредить его капитан. И продолжил: – Начальник экспедиции профессор и академик Штокман.

Этот Штокман был очень похож и на профессора, и на академика. Он был в широких, тяжелых очках и в узкой бородке, которая завивалась на конце точно запятая.

Наш папа вздохнул, с уважением пожал ему руку и сказал с большим сожалением:

– А вот академиком стать я даже и не мечтал...

– Папа не позволял? – серьезно спросил веселый матрос с помпоном.

– А вот этого, – капитан указал на него, – я сегодня же спишу на берег!

– Не спишите, – серьезно сказал папа. – Он мне нравится.

И капитан не стал возражать. А повернулся к маленькому человечку с пушистой головой и назвал его:

– Ихтиолог Рыбкин, доктор наук.

– Ихтиандр Рыбкин, – шепнул мне Алешка.

– А вот ихтиологом, – сказал папа, – я никогда не хотел стать. Я всегда любил рыбу не в море, а на столе.

– Боцман Шмага, – продолжил капитан.

Боцман шмыгнул носом и вытянулся во весь свой длинный рост.

– Где-то я вас видел, – сказал папа.

– По телевизору, наверное, – подсказал веселый матрос. – В программе «Здоровье». У Шмаги – вечный насморк. Мы его поэтому Шмыгой зовем.

Шмага засмутился и опять шмыгнул носом – будто волна в борт плеснула. А веселый матрос шепнул Алешке:

– Он у нас еще и глухой.

– Но он хоть видит? – сочувственно спросил Алешка.

– Еще как! Любой непорядок на палубе сразу заметит.

Все это знакомство длилось так долго, что мы даже проголодались. А капитану этого было мало, и он стал рассказывать о своем замечательном судне и водить нас за собой по всяким помещениям.

– Это каюты, это кубрик матросский, это машинное отделение, это траловое устройство, это драга, это капитанский мостик. Здесь радиорубка...

Капитан Флинт не зря гордился своим судном. Тут было много всяких технических чудес, но нам больше всего понравилась камера наблюдений, или темная комната, как ее все называли. Она находилась в глубине носового трюма. Ка-морка такая. У которой в пол было вделано толстое, ничем не пробиваемое стекло – вроде экрана большого телевизора. Она предназначалась для наблюдений за морским дном. Когда наблюдения не велись, экран закрывался металлической шторкой. Алешка, как дитя олигарха, тут же потребовал эту шторку убрать.

Капитан нажал кнопку на пульте, шторка уползла в сторону и где-то исчезла. Погас свет, и перед нами засветилось окно в океан.

Здесь было не очень глубоко, и дно под «Афалиной» просматривалось со всеми подробностями. И эти подробности нас не очень обрадовали. На песчаном дне, среди редких

кучковатых водорослей, валялись: колесо от самосвала, чей-то оборвавшийся якорь, дырявая стальная бочка, много всякой драной обуви и прочий хлам. Среди него сновали мелкие рыбки, пробежал бочком маленький краб; скользили по песку солнечные зайчики. Ну прямо – загаженный газон, в котором копошатся воробьи и вороны.

Капитан поспешил включить свет и «задернуть» шторку. Будто ему было стыдно за это безобразие.

Экскурсия продолжилась. Капитан показывал нам теперь всякие научные механизмы на палубе. «Это – то, а это – это».

– А почему вы ваш кораблик дельфиньей кликухой называли? – небрежно спросил Алешка.

– Вопрос не ко мне. Игорь Владимирович, – попросил капитан начальника экспедиции Штокмана, – объясните юному коллеге этот факт.

– А можно? – спросил Штокман и погладил свою жидкую бородку.

Капитан молча кивнул, Штокман поправил очки.

– Это судно, юный коллега, предназначалось для боевых и разведывательных действий. И называлось оно, когда проектировалось, очень скучно – «СК».

– Спецкатер, – уточнил капитан. А Штокман продолжил:

– Вам известно, коллега, почему дельфин так быстро плавает?

– Конечно! – заявил коллега Алешка. – Хвостяра у него здоровенный.

Штокман усмехнулся:

– У кита «хвостяра» еще больше. Дело в том, что дельфин имеет под своей кожей специальную группу мышц. И эти мышцы, когда надо, вибрируют и гасят колебания воды вокруг тела дельфина. Ну, как бы вам попроще объяснить... Кожа приспособливается к окружающей среде – и при движении практически отсутствует трение. Это понятно?

– Запросто! – сказал Алешка небрежно. – Ваша «Афалина» обшита не железом, а шкурами дельфинов.

По всему видно было, что Алешка этого не одобрял. Но Штокман засмеялся.

– Примерно так. Обшивка «Афалины» сделана из гибкого, но очень гладкого и прочного материала и тоже имеет что-то вроде внутренних мышц. Специальное устройство, когда нужна максимальная скорость, приводит их в действие. Это понятно?

Алешка кивнул и спросил:

– А где это устройство? И как его включать?

– Это военная тайна, – усмехнулся капитан. – Пошли дальше. Вот это камбуз. Здесь готовится пища.

– А где эту пищу кушают? – спросил Алешка. – Где ваша столовая?

Капитан засмеялся:

– Столовой у нас нет. Прошу в каюткомпанию. Стол уже накрыт.

И мы спустились вниз, в каюткомпанию. Вот здесь все

было понятно. По бортам – мягкие диванчики, в уголке – небольшое пианино, по стенам – всякие картинки с видами всяких далеких стран, а посередине – длинный стол, похожий на бильярдный, с бортиками, накрытый разными блюдами и напитками. Даже салфетки, свернутые в конус, стояли рядом с каждым прибором.

– А зачем эти бортики? – спросил Алешка.

– А затем, – объяснил капитан, засовывая за воротник кителя белоснежную салфетку, – чтобы во время шторма посуда по столу не бегала и на палубу не спрыгивала.

– В старое время... – рассказал толстый кок Скворода, все время что-то переставляя на столе, – в старое время этих бортиков не знали. Без них обходились.

– Руками посуду ловили? – спросил Алешка.

– Зачем? Опытный кок во время сильного волнения или шторма стелил на стол влажную скатерть. По ней посуда не скользила.

Шторма еще не было и сильного волнения тоже, но Алешка уже этот способ испробовал – облил полстола, открывая бутылку с минералкой.

– Хороший будет моряк, – похвалил его капитан, обтирая лицо салфеткой. Ему шипучей минералки досталось больше, чем скатерти. – Но, вообще-то, нашей «Афалине» никакая качка не страшна.

– Это хорошо, – сказал папа. – Я не люблю морскую болезнь.

– А почему не страшна? – спросил Алешка.

– А потому, – с удовольствием стал объяснять капитан, – что у нее в корпусе есть специальные резервуары со специальной жидкостью. И когда начинается сильное волнение, эта жидкость автоматически перекачивается из одного резервуара в другой. И гасит колебания судна.

– Жаль, – вздохнул Алешка. – Хотелось бы на мокрой ска-терти пообедать.

– Тебе этого мало? – спросил папа, кивнув на лужу в центре стола. – Открывай еще одну бутылку.

Капитан поспешно встал. Вытянул за цепочку из кармана круглые часы, щелкнул пальцем по стеклу циферблата и сказал:

– Однако, в шестнадцать нольноль выходим в море. Про-шу всех на палубу.

Мы поднялись на палубу.

Над нами – яркое солнце. В борт «Афалины» мелко плещут волны, полные всякого мусора и покрытые радужной пленкой. Пронзительно скрипят горластые ненасытные чайки. Они все время что-то выхватывают из воды, но мусора на ней меньше не становится. Визжат и лязгают портальные краны, вытягивая из бездонных трюмов грузовых теплоходов громадные ящики, огромные сетки, чемто набитые, связки железных бочек. Складывают их на причал, где тут же шустрые автопогрузчики подхватывают их своими бле-

стящими, вроде здоровенных вил, клыками, приподнимают и куда-то увозят.

Невдалеке от нас стоит молчаливый военный корабль серого цвета. На нем всякие хитрые надстройки, ершатся грозными стволами орудия, а на корме приютился маленький вертолет со сложенными лопастями.

– Давно здесь стоит, – грустно сказал капитан.

– Порт охраняет? – спросил папа.

– Сам себя, – буркнул в ответ Иван Федорович. – Топлива у него мало.

– Временные трудности. – Папа пожал плечами. – Если надо, я могу для них купить солярку. Пусть поплавают.

– Вы лучше что-нибудь для нас купите, – ввернул веселый матрос.

– А тебе мало? – сердито спросил капитан.

– Ага. На сигареты не хватает.

Со стороны открытого моря в порт вошла красивая яхта под всеми парусами. Их у нее было так много, и такие они громадные и пузатые, что кажется, в порт низко, над самой водой, всплывает белоснежное облако.

Капитан пошел на мостик. Алешка – за ним, и тут же начал отдавать ему какие-то приказания, размахивая руками. Капитан послушно взял микрофон, и по судну громко разнеслось:

– Выбрать якорь!

Гремит бегущая из воды черная цепь, по ней стекает вода;

и вот цепь исчезает в овальной дырке на носу «Афалины» – якорный клюз называется.

– Отдать носовой!

Матрос выбирает носовой швартовый канат, и яхта чуть отодвигается от причала к морю.

– Отдать кормовой! Самый малый вперед!

Наконец наш корабль отцепился от берега и плавно набирает ход, нацелившись своим крутым и острым носом кудато вдаль. На южный край света.

По акватории порта «Афалина» шла осторожно, все время лавируя меж стоящими на якорях кораблями. Но как только она оказалась на чистой воде, «Афалина» сделала стремительный бросок, как кошка за мышкой, и, высоко задирая гордый нос, понеслась навстречу приключениям и опасностям...

Мы с Алешкой долго стояли на носу. «Афалина» летела будто не по воде, а над водой. Плавно шелестели, обегая ее, зеленые и уже совершенно чистые волны.

– Ни фиги себе корабль! – с восторгом сказал Алешка. – Настоящий дельфин! Никакая не лошадь.

Казалось, если капитан прикажет прибавить ход, «Афалина» раскинет крылья и помчится в свободном полете, как летучая рыба. Или какойнибудь альбатрос (вроде спаниеля). От нас даже чайки отстали, замотались, наверное, крыльями махать.

Очень скоро мы замерзли и спустились в отведенную нам каюту. Здесь были две койки, одна над другой, и диванчик у самого иллюминатора. Письменный столик, банкетки и вместительный шкаф. Рундук, поморскому.

Мы стали осваиваться. Полазили по койкам, попрыгали на диванчике и стали разбирать и укладывать свои вещи.

– Чур, я наверху сплю! – забил себе верхнюю койку Алешка.

Я не возражал, с нее падать выше.

– А вот фиг! – сказал Алешка.

Он щелкнул какойто задвижкой, и у внешнего края койки появился такой же барьерчик, как и у стола в каюткомпании, только обтянутый желтой кожей.

Впрочем, на нижней койке тоже была такая же предохранительная доска.

Я уложил свои вещи на свою полку, а Лешка, разбирая свой чемодан, вдруг громко икнул.

– Ты что? – спросил я. – Морского воздуха надышался?

– Привет от мамы! – сказал Алешка и запустил в меня валенком.

Не поверила, значит, мама. Засунулатаки тайком валенки для Алешеньки. И не только валенки. Алешка откопал на дне чемодана свою старую зимнюю шапку и пару рукавиц.

Шапку он сразу же выбросил в иллюминатор:

– Она мне все равно мала.

А валенки засунул в нижний ящик письменного стола.

Но тут вдруг стремительный ход «Афалины» стал постепенно замедляться. Стихли двигатели, раздались на палубе тревожные голоса матросов.

– На какогонибудь кита налетели, – предположил Алешка. – Сейчас ко дну пойдем. Пошли посмотрим, интересно ведь.

И мы помчались на палубу, посмотреть, как мы пойдем ко дну. Там, возле капитанского мостика, происходила бурная сцена. Капитан яростно дымил трубкой, а старший механик наступал на него и кричал во весь голос:

– Это вредительство, Иван Федорович! На судне враг! – И при этом он тыкал чуть ли не в нос капитана какимто мятым бесформенным предметом.

– Наверное, взрывное устройство, – шепнул мне Алешка. – Ща как рванет!

Но оно не рвануло. Оно и само было какое-то рваное.

Оказывается, почему смолкли двигатели? Потому что в их воздухозаборник попал посторонний предмет и плотно его закупорил, а без воздуха, понятно, никакой двигатель работать не может.

– Ну что? Что это такое? – возмущался стармех.

Алешка подошел поближе, взгляделся и задумчиво сказал:

– На старую зимнюю шапку похоже. – Зевнул и добавил: – Пошли, Дим, спать.

А я подумал: хорошо, что он валенки в иллюминатор не швырнул...

В общем, зимняя шапка, превратившись в тряпку, полетела за борт, рассерженный стармех запустил двигатели, и «Афалина» вновь начала свой плавный бег по морским волнам.

Надо будет, подумал я, и рукавицы поскорее за борт отправить. Вместе с валенками...

Глава III

«БУГЕНВИЛЬ» – 9140 МЕТРОВ

Папа долго не приходил, наверное, обсуждал с капитаном корабля первое происшествие на борту. Мы сначала немного побаивались, что он мог узнать Алешкину шапку, но она была уже в таком виде, что ее даже родная мама не узнала бы. Наша родная мама, не шапкина, конечно.

В общем, мы не стали дожидаться папу и забрались в свои морские койки. Потому что очень устали от всяких впечатлений этого длинного дня. Особенно от перелета через всю большую страну. Ну и «взрывная» шапка нам добавила эмоций.

«Афалина» шла ровно, без всякой качки, чуть слышно работая своими двигателями. Мы погасили свет, оставили только маленький синий плафон под потолком, и смотрели в иллюминатор на бескрайнее море, бесконечное небо и бесчисленные звезды.

– Хочу, Дим, – сказал Алешка, – какнибудь акулу поймать. Ни разу их не ловил.

– Тебе это надо? – испугался я.

– А как же! Нужно же посмотреть, что она там в своем брюхе таскает. Там же, Дим, такие интересные вещи попадают!

Можно себе представить!

– Всякие бутылки, Дим, со всякими письмами. – Размечтался! – И зубы ей надо пересчитать – сколько их там сотен.

– Как бы она сама нам все зубы не пересчитала. Своим хвостом.

– Ты не романтик, Дим.

Ага, согласен. Ничего романтического не вижу в том, чтобы копаться в брюхе какойнибудь акулы. Представляю, какая у нее там свалка.

– В одной акуле, Дим, – не унимался Алешка, – часы капитанские нашлись, хронометр называется. И они, Дим, шли – тикали. Здорово?

Здорово. Счастливая акула. Всегда знала, который час, режим дня соблюдала: когда спать, когда вставать, когда за пловцами охотиться. В обеденное время.

С акул Алешка перескочил на свой остров, набитый сокровищами. Стал рассказывать мне, в каком именно месте они запрятаны и что он станет делать, когда их разыщет.

– Прежде всего, Дим, сразу же школу брошу. Зачем богатому человеку учиться, да?

– Богатый дурак, конечно, умнее бедного ученого, – рассердился я.

– Я пошутил, Дим. – И Лешка мгновенно вырубился – здорово устал, и от событий, и от планов.

А папа все не шел. Потом он рассказал нам, уже утром, что засиделся на совещании с учеными.

– И чего вы там насовещали? – с интересом спросил Алешка. Он всегда старался быть в курсе всех дел и событий. Особенно тех, которые его никак не касались.

– Умойся сначала, – сказал папа.

– Потом, – пообещал Алешка. – Свежим морским ветром. Быстро он освоился на корабле в океане.

– Ладно, – сдался папа, – вам это тоже не мешает знать.

И он подробно рассказал нам о задачах и целях экспедиции.

Никогда бы не подумал, что мирная научная работа может стать опасной для тех, кто ее делает...

Совещание в каюткомпании проводил начальник экспедиции Штокман.

– Наша экспедиция, – сказал он, – комплексная. Мы будем изучать многие параметры разных районов Тихого океана. Но главная наша цель – обследовать глубоководную впадину под названием «Бугенвиль».

– И чего вы там потеряли? – удивился наш папабизнесмен.

– Сейчас объясню, – Штокман поправил очки и погладил бородку. Он всегда, когда волновался или сердился, поправлял очки и гладил бородку. Наверное, поэтому она и завивалась у него черной запятой. – Весь мир сейчас озабочен очень важной, трудноразрешимой проблемой. Она связана с захоронением радиоактивных отходов. И вот ученые одной из западных стран предложили использовать для этого глу-

боководные океанские впадины. Казалось бы, неплохое решение: запаять ядовитые вещества в контейнеры и сбросить их на глубину, положим, десять тысяч метров. И даже если контейнеры с течением времени разрушатся, ничего страшного не произойдет...

– Как это не произойдет? – возмутился ихтиолог Рыбкин. – Они расплзутся по всем океанам и морям и погубят в них все живое. А заодно – и все человечество, всю планету. Ведь Мировой океан – основа всей жизни на Земле!

Штокман опять поправил очки.

– Эти ученые высказывают такие утверждения. Впервые, на таких страшных глубинах нет никаких живых существ из-за колоссального давления воды и полного отсутствия света. А вовторых, во впадинах нет никаких течений – ни горизонтальных, ни вертикальных. Многокилометровые слои воды совершенно неподвижны и не перемешиваются. И вся сброшенная на дно ядовитая гадость останется на том же месте.

– А если это не так? – Рыбкин вскочил со своего места. Сейчас этот «пушистый» человечек был похож не на одуванчик, а на рассерженного ежика. У которого яблоко отобрали. – А если там есть живые существа, если там имеются течения? Вы представляете, какой глобальной опасности подвергнется океан?

– Вот это и надо нам проверить. И сообщить свои результаты мировой науке. А то ведь, оказывается, на Западе уже существует фирма, которая взялась за это дело. Эта фирма

уже закупила контейнеры для отходов и корабли для доставки их и сброса на дно океана. И рассчитывает зарабатывать на этом бизнесе громадные деньги.

Все слушали начальника экспедиции с большим вниманием, даже глухой боцман не хлюпал носом, а включил свой слуховой аппарат, похожий на обычный простенький плеер, он висел у него на животе.

– Да, – задумчиво почесал за ухом капитан своей трубкой. – Если надежды этой фирмы не оправдаются, у нее возникнут огромные финансовые проблемы.

– И претензии к нам, – с усмешкой добавил ихтиолог Рыбкин.

Тут и наш папа сказал свое слово.

– Я не последний человек в бизнесе, – скромно заявил он. – И я знаю, какие там действуют волчьи и пиратские законы. А об этой фирме я коечто слышал в своих кругах. Кажется, она называется «Оазис». Жулики. Если этот «Оазис» не оправдает своих расходов, его люди пойдут на самые крайние меры. Нам нужно быть к этому готовыми.

– Что вы имеете в виду, Сергей Александрович? – тревожно спросил папу капитан. – Надеюсь, не...

– Не надейтесь, – отрезал папа. – Если результаты исследований их не удовлетворят, возможны прямые столкновения.

– С какой целью? – удивился наивный Штокман.

– С целью уничтожить всю полученную вами информа-

цию. И всех нас заодно. Вместе с «Афалиной».

– Это не так просто, – сказал капитан. – В крайнем случае удрать мы всегда успеем.

– Не уверен, – возразил папа.

Нам с Алешкой он объяснил, что нарочно немного сгустил краски. Чтобы никто не расслаблялся и чтобы все были бдительными.

Но ближайшее будущее показало, что эти самые краски оказались еще гуще и чернее.

Да, знать бы заранее, в какой форме эта фирма «Оазис» предъявит нам свои претензии! Да я бы лучше комаров на даче кормил...

Я часто потом, вспоминая наше плавание, думал – каким бы оно было прекрасным и удивительным, если бы нам не мешали жадные и злобные враги.

Вот представьте себе, если сможете... Большойпребольшой Тихий океан, по которому уже не одно столетие плавали отважные мореходы. Кругом безбрежная синь. На горизонте море сливается с небом. Бежит волна за волной. С тихим плеском, похожим на шорох, режет их острый нос «Афалины». Она идет быстро, но кажется, будто застыла на месте, только неугомонные волны стремительно оббегают ее с бортов.

– Какая красивая глазурь, – с поэтическим восторгом говорит Алешка.

– Лазурь, – поправляю я.

– Какая разница! И так и так красиво.

Почти все время мы торчим на палубе. Вглядываемся в океанскую «глазурь». Иногда над нами парит громадный альбатрос, чтото высматривает. Штокман сказал, что размах крыльев у него (у альбатроса, а не у Штокмана) больше трех метров. Симпатичная птичка. И клювик у нее приличный.

Время от времени мы собираем с палубы летучих рыбок и небольших кальмаров. Они, эти кальмары, тоже, оказывается, могут летать. С помощью своего «реактивного» двигателя, как говорит пушистый Рыбкин.

Алешка относит нашу добычу в камбуз, и кок Сковорода радостно укладывает ее в холодильник.

Очень часто рядом с «Афалиной» – бок о борт – скользит громадная акуля тень. А впереди нее шустрят полосатые рыбкилоцманы. Наводчики, как говорит пушистый Рыбкин.

Когда нам надоедает торчать на палубе, мы идем в рулевую рубку. Алешка становится за штурвал. Он уже так освоился с «Афалиной», что капитан полностью ему доверяет. Только немного морщится, когда Алешка фамильярно называет ее Фалькой.

Кстати, штурвала, как такового, на нашем судне не было. Был сложный пульт с кнопками и тумблерами, с голубым экраном, на котором светила яркая звездочка, обозначающая положение «Афалины» на поверхности океана. Звездочка медленно двигалась на юг.

Алешка становился перед пультом, уточнял у рулевого

курс и уверенно держал «Афалину» в нужном направлении. Правда, не всегда...

Однажды наш гидробиолог, подняв на борт планктонную сетку и изучив ее содержимое, радостно завопил:

– Открытие! В этой части Тихого океана никогда не было такого типа планктона! А теперь есть!

Никто еще ничего не успел сообразить, а капитан уже бросился в рубку. Взял Лешку за ухо, отстранил от пульта и проверил курс... «Афалина» уже два часа шла совершенно не туда, куда ей было нужно.

– Я хотел на минуточку к одному острову свернуть, – безмятежно объяснил Алешка. – Коечто там проверить. А что, нельзя, что ли?

И я до сих пор точно не знаю: играл ли он роль взбалмошного бестормозного сыночка олигарха или в самом деле решил «завернуть на островок».

...А мы все плыли и плыли.

Южная ночь. Водная гладь. Над ней незнакомые яркие звезды. «Афалина» идет своим научным курсом. Идет плавно, упорно – кажется, ничто ее не остановит. Ни жестокий шторм, ни подводные мели, ни коварные пираты...

Она останавливается только тогда, когда в нужной точке ученые делают свое дело. А дел у них – выше крыши! Они проводят замеры глубин, определяют соленость и температуру воды в разных уровнях, отлавливают планктон, всяких рыб и животных, наносят на специальные карты рельеф оке-

анского дна. В общем, всего не перечислить.

Мы с Алешкой допоздна засиживались на палубе, возле спасательной шлюпки, и любовались океаном и звездным небом. Все это было так необъятно, так непостижимо... Просто чудо какое-то. А когда мы уставали от этого великолепия, то спускались в каюткомпанию – послушать научные споры и всякие интересные и загадочные морские истории. А иногда это были простые шуточные разговоры о жизни. Больше всех говорил ихтиолог Рыбкин. Он был жутко болтливый. Любая тема разговора будто открывала в нем какой-то фонтан красноречия. Он был великий спорщик. Кто бы что ни сказал, Рыбкин всегда обрывал его и говорил сердито:

– А вот и нет! Вы глубоко заблуждаетесь, коллега. Утверждение, что тигровые акулы предпочитают на завтрак именно белого человека, – это глубочайшее заблуждение. Гастрономические пристрастия акул еще недостаточно изучены. Вот например, в море плавает белый человек. Извините, вполне для акулы вкусный. Тогда почему она бросается с распахнутой пастью не на него, а на старый и несъедобный баллон автомобильного колеса? А?

– Извините, коллега, это с вашей точки зрения резиновый баллон несъедобен. А может быть, он необходим акуле для улучшения пищеварения перед тем как схватить на обед белого человека? Не допускаете?

– Вы, пардон, какой-то бред несете, коллега! – Рыбкин вспыхивал как спичка. – Тогда почему вы сами перед обедом

не глотаєте десяток булыжников? А?

– Я не акула.

– Возможно. Но то, что вы людоед, это всем известно.

И этот Рыбкин, самый болтливый человек на судне, говорил Алешке:

– Знаешь, за что я люблю рыб? Потому что они молчаливые.

Ну да, это нам понятно. Когда Рыбкин говорит, они помалкивают, слушают его умные речи, шевеля жабрами.

Наш Алешка, конечно, в этих дискуссиях не помалкивал:

– А я бы всех этих ваших акул!..

– Сам бы съел? – засмеялся веселый матрос.

– Глупости! – Рыбкин из ежика опять стал одуванчиком, заговорил с нежностью: – Акулы – милейшие существа, ценнейшие и полезнейшие рыбы. – Тут он стал загибать пальцы: – Целебная печень. Великолепная кожа. Высококалорийное мясо.

– Суп из акульих плавников! – сладко зажмурился кок Скворода.

– А какие зубки! – ехидно добавил гидролог Кошкин. – И как их много!

– К вашему сведению, – добавил Рыбкин, – акулы поддаются дрессировке. – Тут он, немного смутившись, честно, как ученый, поправился: – Не совсем так, конечно, но договориться с ними можно. Я знал одного американского ученого, который целый год провел в стае акул. Он изучал их

образ жизни, повадки, вкусы. Вместе с ними охотился. Подготовил очень интересную книгу. — Тут Рыбкин немного поник головой. — Но, к сожалению, не успел ее опубликовать...

— Не договорился, значит, — безжалостно сказал Алешка. — По вкусу им пришелся.

— Ваши акулы, — напал гидролог на ихтиолога, — очень вредные существа. Они мешают науке!

И тут он стал очень интересно рассказывать, как в свое время ученые изучали морские и океанские течения с помощью «бутылочной» почты. Оказывается, они закладывали в пустые бутылки записку с указанием координат и бросали ее в море. Потом бутылку ктонибудь обнаруживал на другом конце океана и сообщал об этом ученым. А они таким образом узнавали какоенибудь течение.

— И сколько этих бутылок, — горячился гидролог, — находили в брюхе акул! Какие уж тут данные! Шляются ваши акулы по всему Мировому океану.

— Шарлатанство! — возмущался Рыбкин. — Бутылка плывет на поверхности. Любой ветер изменит ее курс. Вот вам и течение!

— А вот и нет! Вы просто темный человек! На дно бутылки насыпали песок, и она плавала только чуть высунув из воды свое засургученное горлышко. Влияние ветра исключается!

Алешка эту тему прослушал с особым вниманием. И стал собирать пластиковые бутылки. И складывать их в письменный стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.